

АКАДЕМИЯ И КУНСТКАМЕРА: ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ САМОПОЗНАНИЯ ИМПЕРИИ

© 2024 г. А.В. Головнёв^{а,*}

^аМузей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН,
Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: golovnev@kunstkamera.ru

Поступила в редакцию 15.04.2024 г.

После доработки 17.04.2024 г.

Принята к публикации 24.04.2024 г.

Создатель Российской империи Пётр I обладал качествами исследователя и экспериментатора: все вовлечённые в дело изучения России учреждения, включая Кунсткамеру и Академию наук, были его проектами. По окончании Северной войны Россия в лице своего императора заинтересовалась собой на новом геополитическом уровне, что стимулировало организацию экспедиций для исследования и картографирования южных, северных и восточных пределов страны. Продолжением самопознания империи стала невиданная по масштабам Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция (1733–1743). Её итогом было не только составление карт империи (более 60) и описание её отдалённых областей (Сибирского царства, Камчатки), но и рождение светской “моды на народы” (пример такой моды – “шествие народов” в ходе потешной “Ледяной свадьбы” (1740), в подготовке которой живое участие приняли Академия и Кунсткамера). Прорывом в самоисследовании России эпохи Просвещения стали Физические (Академические) экспедиции 1768–1774 гг., их результат – рождение науки этнографии (народоведения) и формирование национальной (имперской) идеи России как страны обильной и богатой народами.

Статья подготовлена на основе научного сообщения, заслушанного на заседании президиума РАН 30 января 2024 г.

Ключевые слова: Академия, Кунсткамера, Российская империя, этнография, Пётр I.

DOI: 10.31857/S0869587324050033, EDN: FSHYTU

Просветительские устремления Петра I были нацелены не столько на уподобление России Европе, сколько на использование европейских приёмов познания для осмысления российской действительности и создания собственного арсенала наук и искусств. В этом отношении примечателен тон, с которым Пётр в 1722 г. отозвался об изданных в Германии, Голландии и Франции опусах по рус-

ской истории: “Всё это ничего не стоит, могут ли иностранцы написать что-нибудь о древней нашей истории, когда мы сами ещё ничего о ней не издали... Я знаю, что подлинные материалы древней российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уже вознамерился я сохранить их от утраты и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю российскую историю, но по сие время всё случилось в том препятствия” [1, с. 144, 145].

Склонность к истории как основе самопознания видна в рассказе царя о его юношеском увлечении судовождением и мореплаванием (в предисловии к Морскому уставу), в детальном описании эпизодов Северной (Свейской) войны, в его растущем интересе к русским летописям. Будучи в Кёнигсберге в 1716 г., Пётр “к великому удовольствию своему” нашёл в Радзивилловской библиотеке список “Повести временных деяний Нестора, черноризца Феодосиева Печерского монастыря” и повелел “тот же час оный списывать и прислать к себе, который

ГОЛОВНЁВ Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, директор МАЭ РАН.

действительно был списан и монархом привезён как некое сокровище в Петербург” [2, с. 113, 114; 3, с. 78]. В феврале 1722 г. император издал указ о присылке “из всех епархий и монастырей, где о чём по описям курioзные, то есть древних лет рукописные на хартиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные хронографы и прочие сим подобные” [4, с. 511, 512]. К этому же времени относится работа Петра над “Гисторией Свейской войны”, которую историографы считают основанием военно-исторической науки в России: “Научная разработка русской военной истории начата лично Петром Великим” [5, с. 3]; соответственно, царя можно считать “основателем русской военно-исторической науки” [6, с. 132].

Подобные оценки научных заслуг Петра I могут показаться патетикой в духе культа Отца Отечества, свойственного его современникам и последующим почитателям вплоть до сего дня. Между тем вопрос о реальных мотивах и действиях Петра в деле развития наук важен постольку, поскольку научное самопознание Российской империи началось именно с него, и все вовлечённые в это дело учреждения, включая Академию наук и Кунсткамеру, были его проектами (кстати, слово “проект” – в написании того времени *проэкт* – вошло в русский лексикон при Петре). Другими словами, прежде чем вести речь о просвещении и самопознании России, имеет смысл сфокусировать внимание на исследовательских наклонностях инициатора преобразований.

“Небываемое бывает”. Петру I не подходит образ “философа на троне”, олицетворяемый Марком Аврелием и Фридрихом Великим; менее всего он знаменит восседанием на троне, точнее называть его царём-путешественником. Ни до, ни после Петра на российском престоле не было столь мобильного и вездесущего монарха, который объездил Европу и Россию, сделал страну морской империей, пересёк Полярный круг и снарядил экспедицию даже на Мадагаскар. Впрочем, родился Пётр не владыкой морей, а сухопутным московским царевичем. Более того, в детстве он страдал водобоязнью и преодолел гидрофобию лишь в юношестве, увлётвшись парусными манёврами на Яузе. С тех пор преодоление собственных страхов и иных преград стало привычкой и даже увлечением царя, обозначившего на медали в честь первой морской победы над шведами своё жизненное кредо – “небываемое бывает”.

Самопреодолением было для Петра и полугодовое путешествие по Европе (Великое посольство), когда, пренебрегая статусом и удобствами, он вживался в роли корабеля, морехода, пушкаря, фортификатора, попутно постигая азы всех доступных наук и художеств (включая анатомию, астрономию, географию, историю). “Небываемыми” стали его победы над “непобедимым” Карлом XII, в том числе в морских баталиях. Построенный им Санкт-Петербург – трижды “небываемое”: во-первых, новая

столица встала на территории враждебного государства, притом сильнейшего в Европе (Швеция в то время пребывала в состоянии *stormaktstiden* – великодержавия, владела почти всей Балтикой, а также колониями в Америке и Африке); во-вторых, Пётр провозгласил город “северным парадизом”, хотя, по признанию современников, трудно было найти менее подходящее место для рая; в-третьих, город строился как морская столица страны, которая со времён первых Рюриковичей забыла морское дело [7].

Самопреодоление царя повлекло за собой преобразование царства, которое Пётр превратил в империю, вывел к морю, к военным победам, к наукам и просвещению. По сути мотив преобразования близок ко всему тому, из чего состоит наука: жажда открытий, пересечение границ, решение нерешаемых задач. В этом мотиве – ключ к каскаду государственных реформ, к чуду Санкт-Петербурга, к созданию Кунсткамеры и Академии, к модернизации и просвещению империи.

Чем, если не экспериментом и исследованием, можно считать путь юного Петра к морю? В этом рискованном поиске он освоил мастерство судостроения и судостроения настолько, что стал сам не только строить, но и конструировать корабли, проектировать и сооружать дамбы, каналы, форты. Ему не даром достались дипломы морских и военных наук и искусств, и не случайно он был избран в парижскую Королевскую академию наук.

Интересы Петра проистекали не из праздного любопытства, а из насущных потребностей. Он увлекался астрономией, анатомией и медициной, даже, как говорят, носил с собою две готовальни: одну с чертёжными, другую с медицинскими инструментами. В этом спектре не только охвачены все области знания от предельно внутреннего (анатомии) до предельно внешнего (астрономии), но и отчётливо выражена их практичность: для победы в Северной войне потребовались и карты, для составления которых необходимо знание неба, и анатомия с медициной для лечения раненых: первыми научно-практическими учреждениями в Москве и Петербурге были “гошпитали” с анатомическими театрами. В путешествии по Европе и позднее Пётр не только сам постигал науки, но и нанимал специалистов, приобретал книги и инструменты. Он вывозил из Европы в Россию знания вместе с их носителями так же, как он поступал с саженцами растений, заводя аптекарские и ботанические сады. В этой манере ощутима не только страсть к познанию, но и практическая хватка самодеятельца.

Равняясь на Европу, Пётр относился к ней практично и даже потребительно, “выкачивая” из неё науки и искусства, учения и учёных. Благодаря его успехам и планам ускорилась начавшаяся ещё при Алексее Михайловиче “утечка мозгов” с запада на восток, из Европы в Россию. Пётр стремился

к европеизации своей страны, но по собственному сценарию. Он постигал военные науки и искусства Европы для достижения превосходства над самой Европой (после Полтавской победы вполне искренне благодарил шведских генералов за преподанные уроки). Европейцы осознали это, когда Пётр явился к ним уже не в роли ученика, а во главе победоносной армии. Частью сценария “петровизации” Европы стала матримониальная стратегия русского самодержца, начиная с женитьбы сына Алексея на принцессе Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской 13 октября 1711 г. в Торгау, где, кстати, произошла первая встреча Петра и Лейбница, совместно замышлявших создание в России академии, кунсткамеры и других учреждений для “произрастания” наук и художеств.

Карты и экспедиции. Поскольку для царя представление о своём царстве имело практическое значение, особое внимание было обращено на картографию как наглядное средство геополитики, к тому же составление карт имело статус не только искусства и науки, но и права: проще говоря, правом изображать мир обладал тот, кто этим миром управлял. Пётр проникся интересом к картографии ещё в ходе Великого посольства, и первые опыты составления карт под его патронатом связаны с именами бургомистра Амстердама Николааса Витсена (посвятившего русскому царю карту и книгу “Северная и Восточная Тартария”, 1692; 2-е изд. 1705), главы Сибирского приказа Андрея Виниуса и сибирского картографа Семена Ремезова (составителя Хорографической чертёжной книги Сибири, а также “Летописи Сибирской”, 1703).

В царском репертуаре “игра в карты” предусматривала обширный набор сценариев — от обороны до завоеваний. В напряжённой обстановке начала Северной войны составлялись карты Ингерманландии и Карелии, Польши и Литвы (1703), карты России от Балтики до реки Лены, от Лапландии до Печоры, от Костромы до Азова, от Ингерманландии (с Петербургом и Шлиссельбургом) до Оби. После решающих побед, особенно под Гангутом в 1714 г., картографический интерес Петра заметно расширился и дополнился экспедициями, направляемыми для описания и изучения соседних стран: так выглядели миссии Артемия Волынского в Персии 1715–1718 гг., Александра Бековича-Черкасского в Хиве 1717 г., Льва Измайлова в Китае 1719–1722 гг. По мере расширения диапазона интересов царя рос размах его экспедиционных проектов: в 1719 г. он направил, помимо партии Измайлова, ещё две экспедиции на восток — Д. Мессершмидта в Сибирь, И. Евреинова и Ф. Лукина — на Камчатку и Курилы. Занимавший его (и Лейбница) вопрос “не сошлась ли Америка с Азией” исходил из геостратегии, и незадолго до смерти Пётр снарядил свою последнюю экспедицию — под командованием Витуса Беринга — для открытия Америки со стороны Азии.

Если учесть, что император в то время мысленно добирался до Индии в обход Африки, с заездом на Мадагаскар (направляя в южные моря экспедицию Д. Вильстера), то открывается масштаб ментальной карты, которой к концу жизни руководствовался российский самодержец. Кстати, в те годы русский словарь пополнился словом “экспедиция”, происходящим от голландского *expeditie* или немецкого *Expedition* (поручение) и первоначально означавшим государево задание, а затем приобретшим в обиходе Адмиралтейств-коллегии и Академии наук значение научного изыскания и путешествия.

Эстафету Петра I в изучении империи, в том числе её северных и восточных пределов, подхватила Анна Иоанновна, поддерживавшая идею Второй Камчатской экспедиции, которая превратилась в Великую Северную экспедицию. В её осуществлении значимую роль, помимо В. Беринга, А. Остермана, президента Адмиралтейств-коллегии Н. Головина и обер-секретаря Сената И. Кирилова, сыграли члены Академии наук: астроном Н. Делиль, натуралист И. Гмелин и историк Г. Миллер. В то время как морские отряды экспедиции шли на штурм Северного Ледовитого океана — от Двины до Оби, от Оби до Енисея, от Енисея до Лены, от Лены до Анадыря, от Камчатки до Америки — Академический отряд изучал и описывал Россию от Петербурга до Камчатки: академики Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин двинулись в длительное научное путешествие, рассылая “в разные стороны своих студентов и геодезистов”, в том числе С. Крашенинникова, А. Красильникова, переводчика Я. Линденау.

Морским отрядам выпали сопоставимые с военными баталиями испытания льдами и цингой, освоение всех видов движения и спасения в Арктике, честь открытия новых морских и речных путей на севере и востоке России. По описи Адмиралтейств-коллегии, экспедиция оставила после себя 62 карты [8, с. 333], на основе которых Морская академия начертала в 1742 г. новую генеральную карту Ледовитого океана. За десять лет экспедиции Россия из страны, наносимой на карты, превратилась в страну, составляющую карты. На одной из них “новооткрытый берег” Америки назывался (в стиле европейских мореплавателей) Новой Россией; правда, “по равнодушию, с каким тогда приняты сделанные открытия, такое название не было утверждено” [9, с. 218]. На долю моряков-полярников выпало и осознание того, что арктическая морская навигация осуществима только при поддержке с материка.

Итогом Великой Северной экспедиции, несмотря на потери и неудачи, стало, по существу, открытие России в её гигантской протяжённости; при этом за десятилетие сражений со льдами Арктика стала домашним делом России. Сквозной морской ход был заблокирован тяжёлыми льдами, зато проторены и обустроены новые морские и сухопутные маршруты: как писал Г.Ф. Миллер, “по Камчатскому и Аме-

риканскому морю... путь уже отверст” [10 с. 126]. Для нужд (и благодаря) экспедиции на Севере и в Сибири появились новые или укрепились старые городки: Охотск, ставший “столицей” Охотского края; Петропавловск-Камчатский, основанный для целей Северной экспедиции; Якутск, который в те годы представлял собою “настоящее средоточие экспедиционной деятельности” [9, с. 135]. Даже по географии ссылки неугодных можно судить об освоении Севера и Сибири: Меншиков и Остерман – в Берёзове, Долгорукие – в Берёзове и Пустозёрске, Миних – в Пелыме.

Экспедиция замышлялась “в пользу Ея Императорского Величества и к славе Российской империи” [9, с. 6]. Как нередко бывает при смене правителей, проекты предшественников отменяются независимо от их значения: смерть императрицы Анны Иоанновны остановила Великую Северную экспедицию. К тому времени покинули этот свет или отошли от дел патроны экспедиции: погиб Беринг, умер Кирилов, угодил в опалу и в Сибирь Остерман, потерял былое влияние Головин [11, с. 15]. Более того, сама возможность северного морского хода была поставлена под сомнение, и вынес такой вердикт в 1758 г. участник экспедиции историограф Академии Г.Ф. Миллер: “доказана совершенно невозможность судового ходу по Ледовитому морю... ныне уже никому на мысль не придёт, чтоб ещё производить кораблеплавание по показанному морю” [10, с. 74].

В Академии Миллеру мог всерьёз противостоять только Ломоносов, как это выяснилось в ходе их эпохальной интеллектуальной дуэли 1749–1750 гг. на тему “происхождения имени и народа российского” (кстати, в этой длившейся более года беспрецедентной по напряжению дискуссии были заложены не только исторические основы российской идентичности, но и традиция академических споров, которую можно считать историческим наследием и достоянием Академии наук). На этот раз речь шла не о нордических корнях, а об арктических путях: Ломоносов выступал апологетом Северного морского хода в противовес скептически настроенному Миллеру.

Свою позицию Ломоносов выразил в трактате “Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию” (1763), начав с утверждения, что до гибели в 1597 г. голландца Баренца “россияне далече в оный край на промыслы ходили уже действительно близ двухсот лет”, а плаванием холмогорца Федота Алексеева и казака Семёна Дежнёва от Колымы за Чукотский мыс в 1647–1648 гг. был “несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий” [12, с. 447–451].

Что помешало русским морякам Великой Северной экспедиции пройти этот путь? Два обстоятель-

ства, полагает Ломоносов, – стужа и льды. Однако, как показывает опыт русских поморов, оба преодолимы силами людей, которые, в отличие от голландцев, в Арктике “зимуют из доброй воли” и “прозимовать могут без всякого отягощения”, “имея притом движение в звериной ловле” [12, с. 462, 463]. Реальность северного морского хода исходит прежде всего из наличия людей, способных осилить этот путь. И в этой части доказательств помор Ломоносов обращается не столько к теориям, сколько к поморским практикам, к “жизненной этнографии”. Знания поморов о полёте и поведении птиц годны для ориентации в пространстве относительно берегов; от цинги можно спастись по поморскому рецепту – “сосновою водкою, сосновыми шишками, шагрою, морошкой”. В арктических плаваниях лучше использовать не только поморские знания, но и самих поморов, “особливо которые бывали в зимовках и заносах и привыкли терпеть стужу и нужду; притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей”. Среди поморов есть умельцы поиска открытой воды среди льдов – торосовщики (от *торос* – нагромождение льдин). В своём предписании Ломоносов рекомендовал брать в команды “на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков из города Архангельского, с Мезени и других мест поморских, которые для ловли тюленей ходят, употребляя помянутые торосовые карбаски или лодки по воде греблею, а по льду тягою, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду”. “На льды высылать торосовщиков в мелких судах с малыми компасами искать полых мест, где пройти можно”; а для прохождения Чукотского Носа следовало бы взять толмачей чукчей [12, с. 485–495].

Трактат Ломоносова с детальными инструкциями стал толчком к организации в 1765 г. экспедиции Василия Чичагова по Северному океану. Правда, в очередной раз старт экспедиции совпал со смертью её вдохновителя: флотилия Чичагова вышла в путь вскоре после кончины Ломоносова в 1765 г., что, как и в случае первой экспедиции Беринга, предопределило её скромный итог.

Ломоносов не дождался покорения Арктики, но предсказал прирастание России Сибирью и Северным океаном. В поэме “Пётр Великий”, написанной синхронно с “Кратким описанием разных путешествий по Северным морям”, он использовал будущее время:

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,

Меж льдами новый путь откроют на восток.

И наша досягнёт в Америку держава [13, с. 703].

Помимо познания Арктики и достижения Америки участники Академического отряда Великой Северной экспедиции (Г.Ф. Миллер, С.П. Крашенинников и И.Э. Фишер) составили описания народов России. Тем самым экспедиция открыла

империи её северные и восточные пределы, природу и народы Сибири и Дальнего Востока. Миллер вернулся из экспедиции с историей Сибирского царства, Крашенинников — с описанием земли Камчатки. Посланники академии привезли в столицу дух дальних путешествий и приключений, известия о населяющих империю народах, а также этнографические коллекции для Кунсткамеры. Их наблюдения и описания породили светскую “моду на народы”, ставшую прологом науки этнографии и идеи многонародной России.

Потехи и стратегии. Известно, что из царских потех нередко вырастали государственные стратегии, как это было с потешными полками и флотилией Петра I. Преемники императора сохранили его страсти к маскарадам, ассамблеям и прочим действиям; например, Анна Иоанновна, испытывавшая особую слабость к шутам, на склоне лет, в феврале 1740 г., затеяла грандиозный маскарад, известный как “Ледяная свадьба”.

Потешная свадьба придворных шутов Михаила Голицына и Авдотьи Бужениновой, популяризованная романом И. Лажечникова и картиной В. Якоби, проходила в ледяном доме и сопровождалась многоликим шествием по Петербургу народов империи. Это событие, подобно другим эпизодам правления Анны Иоанновны, иногда осуждают как “самодурство” и “жестокую забаву”. Эти оценки не лишены оснований, хотя историю бессмысленно судить с позиций сегодняшней морали. В те годы разговор о народах России только начинался, и то благодаря открытиям Великой Северной экспедиции, доставившей в Академию сведения об облике народов империи, а в Кунсткамеру — их костюмы и прочие диковины. Во многом именно экспедиция задала тему и тон карнавалу 1740 г.

Впрочем, готовилась “дурацкая свадьба” вполне серьёзно: по губерниям было разослано повеление прислать на маскарад по паре (мужчину и женщину) от разных народов, а Академии наук было поручено “подлинное известие учинить о азиатских народах, подданных её императорского величества, и о соседях, сколько оных всех есть, и которые из них самовладельцы были, и как их владельцы назывались, со описанием платья, в чём ходят, гербов на печатях или на других, на чём и на каких скотах ездят, и что здесь в натуре есть платья и таких гербов, и например: мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, камчадалы, отяки, мунгалы, башкирцы, киргизы, лопари, кантыши, каракалпаки, арапы белые и чёрные, и прочие, какие есть, подданные российские” [14, с. 276]. Очевидец потешной свадьбы Василий Нащокин отмечал, что в процессию, кроме “разноязычников”, были включены и “ямщики города Твери”, которые “оказывали весну разными высвистами по-птичь” [15, с. 258]. Со слов генерала Христофора фон Манштейна, желая по случаю этой потешной свадьбы показать, сколько различ-

ных народов обитает в её обширных владениях, императрица предписала всем губернаторам выслать в Петербург по несколько инородцев обоёго пола.

В день свадьбы все участвовавшие собрались во дворе дома Волынского, распорядителя праздника; отсюда процессия прошла мимо императорского дворца и по главным улицам города. Поезд был очень велик, состоя из 300 человек с лишним [16, с. 184].

Если доверять подсчётам генерала, число 300 можно представить “поездом” из 150 народов (считая пару — мужчину и женщину — за народ). Правда, в то время точного счёта народам не велось, и губернаторы могли прислать несколько пар представителей разных групп одного народа (например, мордвы, русских, татар, финнов). В тогдашних выражениях их правильнее называть народами и племенами, а в сегодняшних — народами и этническими группами. Число 150 можно условно принять за исходный числовой символ российской многонародности, хотя, конечно, маскарад — не повод для статистики и этнодемографии¹.

“Академичность” потехи выражалась и в том, что к “ледяному проекту” были привлечены лучшие умы Академии: научное руководство осуществлял академик Г.В. Крафт, физик и математик, выдающийся специалист по термометрии и гидродинамике. Выстроенный на берегу Невы у Зимнего дворца ледяной дом с окружающими его аксессуарами и аттракционами был настоящим чудом науки и инженерии: он “казался сделан был будто бы из одного куска, и для ледяной прозрачности и синего его цвету на гораздо дражайшей камень, нежели на мрамор, походил” [18, с. 13]. Стоящие перед домом ледяные пушки и мортиры стреляли деревянными гранатами и притом не трескались; ледяные дельфины извергали из раскрытых ртов фонтаны горячей нефти, а из хобота ледяного слона вырывалось пламя и доносился трубный звук.

В игрище академичность перемежалась с потешностью, и именно это сочетание оставило неизгладимое впечатление у свидетелей ледяной свадьбы. Юмор нередко играет значимую роль в популяризации серьёзных идей, и в распространении “моды на народы” он оставил яркий след. Потеха начиналась с того, что пара новобрачных была составлена нарочито по-дурацки: жених — опальный (за принятие католичества) русский князь Голицын по прозвищу Квасник (квас на пирах подносил), невеста — калмычка Авдотья с придуманной ей за пристрастие к буженине фамилией Буженинова. Вероятно, нечто смешное и пикантное (на тогдашний вкус) заключалось и в прозвании русского жениха “самоедским ханом” (у самоедов не было ханов), а калмычки невесты — “дочерью мордовской ханши” (у мордвы не

¹ Позднее “150” ещё дважды повторялось как символическое число народов страны — в проектах “фарфоровой России” в честь 300-летия Дома Романовых и “Киноатласа СССР” в честь 10-летия Октябрьской революции [17].

было ханов и ханш) [19]. Гастрономическая часть юмора состояла в том, что “квас женится на буженине”, а этнографическая — “самоедский хан женится на мордовской ханше”. Ещё не родилась наука этнография, а “этнографический юмор” уже был в ходу при императорском дворе.

Впрочем, не только экспедиционные исследования, академические штудии и маскарадная потеха свидетельствовали о “моде на народы”. Идея обилия народов как достояния (и лица) империи овладела умами и проникла в политику: распорядителем (режиссёром) шествия народов 1740 г. выступил кабинет-министр Артемий Вольтинский, имевший опыт международной дипломатии со времён Петра, когда ему приходилось улаживать отношения с персами и калмыками. В романе Лажечникова Вольтинский представлен героем-любовником, но на самом деле он более всего был увлечён судьбой России, многонародность которой талантливо театрализовал в постановке карнавала.

Через полгода после ледяной свадьбы Артемий Вольтинский наветами Бирона был казнён, ещё через три месяца скончалась императрица Анна, но идея многонародности не умерла. Отзвуком её стала по-своему забавная попытка доставить на коронацию Елизаветы Петровны с дальнего края империи “шесть пригожих благородных камчатских девиц”: посланный на Камчатку штабс-фурьер Шахтуров исполнил поручение, но с опозданием на четыре года, успев на обратном пути добраться только до Иркутска, “причём все девицы за это время родили” [20, с. 41] — в чём-то штабс-фурьер всё же преуспел.

Не умерла идея многонародности и в Академии: в том же 1740 г., когда Артемий Вольтинский руководил в столице шествием народов, в далекой Сибири академик Герард Миллер разработывал инструкцию “Об описании нравов и обычаев народов” из 923 пунктов с приложениями: (1) О ланд-картах (63 пункта); (2) О рисунках (30 пунктов); (3) О собирании различных предметов для Кунсткамеры (16 пунктов); (4) Словарь, по которому надлежит собирать материалы по языкам и диалектам. Эта инструкция стала методической базой для систематики народов и по своей полноте до сих пор не имеет аналогов в отечественной науке [21, с. 25]. За семь лет путешествия (1733–1740) Миллер не только воочию познал Россию, включая Сибирь, но и открыл её достояние — народы. Он в полной мере испытал на себе эффект путешествия по огромной империи: кто проехал по России, вольно или невольно становился народоведом, поскольку путь его лежал от народа к народу. По возвращении из экспедиции Миллер в предисловии к “Описанию сибирских народов” впервые обозначил народоведение (Völker-Beschreibung — народописание) как науку будущего: “Многочисленное моё желание было, чтоб какой искусный человек из всех по нынешнее время

бывших путешественных описаний, також и из описаний одних народов, по сообщенному здесь показанию предпринял намерение к сочинению всеобщего описания народов, чем бы сия материя учинилась некоторою новою наукою, от которой бы потомство вечной пользы себе ожидать могло” [22, с. 30, 31].

Наука о народах и идея многонародности. Академик Миллер дал толчок развитию науки о народах, но не успел развернуть её в собственных трудах, чему в значительной мере помешала его дуэль с Ломоносовым по поводу другого ключевого для современной ему России вопроса — “о происхождении имени и народа российского”, окончившаяся поражением историка, сожжением его диссертации и разжалованьем в адъютанты [23, с. 266–279].

Между тем открытия Великой Северной экспедиции, расцветшая в столице “мода на народы”, академические штудии Миллера и гостеприимство Кунсткамеры с её коллекцией костюмов народов России (кстати, изрядно поредевшей из-за использования экспонатов в “шествии народов” 1740 г. и особенно после катастрофического пожара 1747 г.) не могли не дать плодов. В 1761–1762 гг. у Миллера в Петербурге квартировал его коллега Август Шлёцер, подхвативший идеи народоведения и распространивший их в Германии. В ходе поездки на свою родину, во Франконию, осенью и зимой 1765–1766 гг. Шлёцер виделся с историком И. Шёперлином, который вскоре в “Истории Швабии” (1767) впервые употребил эквивалент миллеровского Völker-Beschreibung — Völkerkunde, Ethnographia. Идея нашла отклик и в учёной среде университета Гёттингена, ставшего с той поры очагом народоведения в Европе. Наконец, Шлёцер не только сеял зёрна этнографии всюду, где бывал, но и вырастил концептуальное древо науки, обозначив в своей “Всеобщей истории Севера” (Allgemeine Nordische Geschichte, 1771) “народ” (Volk) ключевым фигурантом мировой истории (Weltgeschichte): по его разумению, каждый народ нуждается в описании, и “мировая история может насчитывать столько глав, сколько существует отдельных народов” (одновременно другой гёттингенский историк, Иоганн Гаттерер, обозначил народ как предмет географии/землеописания — Erdkunde) [24, р. 233–268; 25, р. 217, 252, 260, 278–281].

Тем временем в России, где народоведение родилось, в Физическую экспедицию отправилось второе поколение Санкт-Петербургских академиков. В 1767 г. Екатерина II, будучи в Москве по делам “Уложенной комиссии”, узнала от Г.Ф. Миллера и О. Эпиунса о приближающемся прохождении Венеры по диску Солнца в 1769 г. Вскоре к астрономии добавилась “история натуральная”. Указом Екатерины в числе задач для “испытателей природы” значились исследования: “о необработанной земле и ненаселённом месте, уповательно с пользою назначено быть может к хлебопашеству всякого рода

хлеба, также к разведению винограда, хмелю, льну или табаку, или к другому чему”; “экономия населённых мест, их недостаточности, выгод в особых обстоятельствах, причём каждому позволяется объявить своё мнение, каким образом есть что поправить для получения большей пользы”; “о размножении заводов, а особливо для шерсти, также о разведении пчёл”; “о употребляемых способах ловли рыбы, также о звероловстве, звероловных ловушках, о охотничьих инструментах”; “о полезных изобретениях” [26]. Задуманная при участии Миллера академическая экспедиция была обращена не столько к небу, сколько к земле – природному, экономическому и культурному достоянию Российской империи. Академия наук снарядила пять отрядов экспедиции, которые возглавили П.С. Паллас, И.И. Лепёхин, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, И.П. Фальк, позже И.Г. Георги.

Последнему в списке, академику Иоганну Георги, судьбой было уготовано создать и издать первый систематический этнографический труд – трёх/четырёхтомное “Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей” [27]. В этом исследовании *народ* впервые выступает главным героем повествования и основной категорией научного анализа; при этом свод содержит систематическое описание 80 народов Российской империи (кстати, предложенный Георги порядок описания донныне остаётся шаблоном этнографических текстов для энциклопедий).

Таким образом, этнография родилась и выросла на просторах России в путешествиях и обобщающих трудах петербургских академиков Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, П.С. Палласа и И.Г. Георги [25, 28, 29]. Науку о народах (народоведение, этнографию) можно считать коренной (почвенной) для России, рождённой в ходе самопознания империи в XVIII в. Этнография – самая российская из всех наук, и Россия в лице своей Академии обладает приоритетом на эту область знания (европейская эволюционистская антропология появилась веком позже, в середине XIX в.).

Российское народоведение рождалось как знание не об одном народе, а о многих народах – о многонародности². Академические экспедиции XVIII в., ставившие своей целью изучение империи, дали впечатляющий результат не только самопознания, но и самосознания: Россия – страна, обильная (богатая) народами. Эти народы – самобытные, разноразличные, исповедующие свои верования и ценности – вместе составляют достояние, не исчисляемое

² Применительно к России понятие “многонародный” – в соотношении с понятием “национальный” – удачно определил Пётр Струве: “Русское государство... будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством” [30, с. 177].

экономически или политически. Они являют собой культурное богатство, экзотическую роскошь, многозвучие и многоцветие языков, религий, обычаев, нарядов, а потому заслуживают особого внимания и специального знания.

Эту идею первым сформулировал всё тот же академик Георги в “Описании всех обитающих в Российском государстве народов” (2-е издание): “Известно всякому сведущему о государствах и владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало бы в себя столь великое множество различных народов, как Российская держава” [31, с. vi].

До сих пор концепция многонародности остаётся национальной идеей России. Сегодня можно услышать возражения, что-де не только Россия, но и другие страны могут похвалиться многонародностью. Это верно, но именно Россия первой исследовала собственную многонародность и заявила её как свою особенность и самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Штелин Я.* Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные действительным статским советником Яковом Штелиным. М.: Тип. Компании типографической, 1788.
Steelin Ya. Anecdotes about Emperor Peter the Great, heard from various noble persons and collected by the actual state councilor Yakov Shtelin. M.: Printing House of the Typographic Company, 1788.
2. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. Т. 6. 2-е изд. М.: Тип. Н. Степанова, 1838.
Golikov I.I. The Deeds of Peter the Great. V. 6. 2nd ed. M.: Printing House of N. Stepanova, 1838.
3. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.: Изд-во АСТ, 2003.
Tatishchev V.N. Russian History. V. 1. M.: Publishing House of AST, 2003.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
The complete collection of laws of the Russian Empire. V. VI. SPb.: Printing House II branches of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830.
5. *Масловский Д.Ф.* Записки по истории русского военного искусства. Вып. 1. СПб., 1891.
Maslovsky D.F. Notes on the history of Russian military art. Is. 1. SPb, 1891.
6. *Майкова Т.С.* Пётр I и “Гистория Свейской войны” // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 103–132.
Maikova T.S. Peter I and the “History of the Swedish War” // Russia during the reforms of Peter I. M.: Nauka, 1973. P. 103–132.

7. Головнёв А.В. Пётр I и начала наук в России // Кунсткамера. 2024. № 1(23). С. 6–23.
Golovnev A.V. Peter I and the beginning of sciences in Russia // Kunstkamera. 2024. №. 1(23). P. 6–23.
8. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. М.; Л.: Морской транспорт, 1956.
Belov M.I. Arctic navigation from ancient times to the middle of the XIX century. M.; L.: Sea transport, 1956.
9. Соколов А.П. Северная экспедиция 1733–1743 гг. // Записки гидрографического департамента. IX. СПб, 1851.
Sokolov A.P. The Northern expedition of 1733–1743 // Notes of the hydrographic department. IX. SPb, 1851.
10. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996.
Miller G.F. Essays on the history of Russia. Favorites. M.: Nauka, 1996.
11. Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1741–1742. Морские отряды. Сост. Н. Охотина-Линд. СПб.: Нестор-История, 2018.
The second Kamchatka expedition. Documents 1741–1742. Naval detachments. Comp. N. Okhotina-Lind. SPb: Nestor-Istoriya, 2018.
12. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6 (Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
Lomonosov M.V. The complete Works. V. 6 (Works on Russian history, socio-economic issues and geography). M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952.
13. Ломоносов М.В. Полн. Собр. соч. Т. 8 (Поэзия, ораторская проза, надписи). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
Lomonosov M.V. The complete Works. V. 8 (Poetry, oratorical prose, inscriptions). M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959.
14. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. IV. СПб.: Тип. имп. Академия наук, 1886–1887.
Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. V. IV. SPb.: Printing House of imp. Academy of Sciences, 1886–1887.
15. Нащокин В.А. Записки // Империя после Петра (1725–1765). М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 227–384.
Nashchokin V.A. Notes // Empire after Peter (1725–1765). M.: Sergei Dubov Foundation, 1998. P. 227–384.
16. Манштейн Х.Г. Записки о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875.
Manstein H.G. Notes on Russia. 1727–1744. SPb: Printing House of V.S. Balashev, 1875.
17. Головнёв А.В. Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 6–32.
Golovnev A.V. The multinationality of Russia: a view from the North // Ethnography. 2022. №. 4 (18). P. 6–32.
18. Крафт Г.В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре месяце 1740 года ледяного дома. СПб.: Императорская Академия наук, 1741.
Kraft G.V. An authentic and detailed description of the ice house built in St. Petersburg in the month of January 1740. SPb: Imperial Academy of Sciences, 1741.
19. Успенский Б.А., Шишкин А.Б. “Дурацкая свадьба” в Петербурге в 1740 г. // *Europa orientalis*. 1997. № 16 (1). С. 297–312.
Uspensky B.A., Shishkin A.B. “Comic wedding” in St. Petersburg in 1740 // Europa orientalis. 1997. №. 16 (1). P. 297–312.
20. Эйдельман Н. Твой XVIII век. Твой XIX век. Грань веков. М.: Азбука-Аттикус, 2023.
Eidelman N. Yours XVIII century. Your XIX century. The Edge of Centuries. M.: Azbuka-Atticus, 2023.
21. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: ИАЭ, 1999.
Elerst A.H. The peoples of Siberia in the works of G.F. Miller. Novosibirsk: IAE, 1999.
22. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009.
Miller G.F. Description of the Siberian peoples. M.: Monuments of historical thought, 2009.
23. Головнёв А.В. Северность России. М.: МАЭ РАН, 2022.
Golovnev A.V. The Northerness of Russia. M.: MAE RAS, 2022.
24. Stagl J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550–1800. New York: Harwood Academic Publishers, 1995.
25. Vermeulen H.F. Before Boas: the genesis of ethnography and ethnology in the German Enlightenment. University of Nebraska Press. Lincoln & London, 2015.
26. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 1. Л. 3, 4.
St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 3. Op. 35. D. 1. L. 3, 4.
27. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I–III. СПб.: Изд. К.В. Миллера, тип. Кадетского корпуса, 1776–1777.
Georgi I.G. Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other

- memorabilia. Ch. I–III. SPb.: Publishing house of K.V. Miller, type. Cadet Corps, 1776–1777.
28. Головнёв А.В., Киссер Т.С. Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.
Golovnev A.V., Kisser T.S. Ethno-portrait of the Empire in the works of P.S. Pallas and I.G. Georgi // Ural Historical Bulletin. 2015. № 3 (48). P. 59–69.
29. Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
Golovnev A.V. Ethnography in the Russian academic tradition // Ethnography. 2018. №. 1. P. 6–39.
30. Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–180.
Struve P.B. Great Russia and Holy Russia // Russian Thought. 1914. №. 12. P. 176–180.
31. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I. СПб.: Имп. Академия наук, 1799.
Georgi I.G. Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorabilia. Ch. I. SPb : Imp. Academy of Sciences, 1799.

THE ACADEMY AND THE KUNSTKAMERA: THE FIRST EXPERIENCES IN SELF-KNOWLEDGE OF THE EMPIRE

A.V. Golovnev^{a,*}

^a*Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

^{*}*E-mail: golovnev@kunstkamera.ru*

The experience of creating and exploring the Russian Empire belongs to Peter I, who had the qualities of a researcher and experimenter, and all institutions involved in the study of Russia, including the Kunstkamera and the Academy of Sciences, were his projects (the word “project” entered the Russian lexicon under Peter). At the end of the Northern War, Russia, in the person of its emperor, became interested in itself at a new geopolitical level, sending expeditions to explore and cartograph the southern, northern and eastern borders of the country. The continuation of the self-knowledge of the empire was the unprecedented Second Kamchatka, or Great Northern Expedition (1733–1743). Among its results was not only the compilation of maps (more than 60) of the empire and a description of its remote regions (Siberia, Kamchatka), but also the birth of a secular “fashion for peoples”, expressed in the “procession of peoples” during the amusing “Ice Wedding” (1740), in the preparation of which the Academy and the Kunstkamera took an active part. A breakthrough in self-research of Russia during the Enlightenment era was the Physical (Academic) expeditions of 1768–1774, which brought the birth of the science of ethnography (narodovedenie, Völkerkunde) and the formation of the national (imperial) idea of Russia as a country abundant and rich in peoples.

Keywords: Academy, Kunstkamera, Russian Empire, ethnography, Peter I.